

ПОВЕНЧАННЫЕ ВОЙНОЙ

Их было немало в Лысьве пар, повенчанных войной. Маринец, Ковшик, Максимовы, Игнатьевы, Паршонок... Зброшенные в тыловой госпиталь, спасшиеся от смерти, но измученные ранами фронтовики и здешние сердобольные сестрички. Кровь и боль, нежность и жалость, молодость и надежды соединяли их сердца и жизни крепче церковных молитв и венчальных колец...

— Степанида Александровна, как вы познакомились со своим Костенькой? — уже не в первый раз допытываюсь у вдовы нашего коллеги-журналиста Максимова Константина Петровича. Её печальное лицо оживает.

— Ой, мы очень интересно познакомились! Когда я проходила по госпитальному коридору мимо палат, этот солдат громко говорил мне вслед, чтоб я услышала: «Фу, от этой сестры всегда карболкой пахнет...»

— И вы не обижались?

— А что обижаться? Я отвечала ему тем же: «А от этого больного табачищем несет...»

— Но он же не курил!

— Так и от меня карболкой не могло пахнуть!

— А первый раз вы его когда увидели?

— Я дежурила в хирургической бригаде, когда его привезли. Ноги у него были закованы в гипс, и мне почему-то сразу стало его очень жалко. Я уже знала, что ему предстоит ампутация. Такой молоденький... В мое дежурство его и оперировали. Присутствовать при этом очень тяжело. А когда его перевели в палату, и он стал немного отходить от болей, таким вот странным образом заигрывал со мной.

...Я пытаюсь представить, какими они были. Наверное, она могла понравиться юноше с лирическим складом характера. В редакции, где он проработал 23 года, все знали, что он с юности любил и знал литературу, поэзию, интересовался жизнью писателей, пробовал писать сам. А она... Худенькая, кареглазая, с каштановыми косами и роскошным именем. В его устах оно звучало удивительно: «Стёша...» Правда, и сама она редко называла его Костей — все больше Костенькой.

— А потом? Как вы поженились? — На правах давней знакомой я позволяю себе несколько нескромные вопросы.

— Вскоре его перевели в дивизион, где выхаживали ампутированных. И однажды я после дежурства зашла его навестить. А в госпитале девчонкам сказала об этом, передала приветы. Они и напорочили: дескать, вот выпишется Костя, и поженитесь. «Ещё чего!» — вспылила я и не пошла больше, чтоб не думали ничего такого про меня. А он взял и написал мне письмо... А уж когда выписали его, мы не расставались. Сам он с Поволжья, приехать за ним было некому...

Да, я знаю. Они не расставались надолго. И отдыхать ездили вместе — то на «Сокол», то на теплоходе и даже за границу.

А уж как она всю жизнь жалела своего Костеньку! Помогла выучиться (он очно закончил университет). Лечила, кормила — стряпуха она отменная! Сколько изъездили на «Москвиче», сколько насобирали грибов, ягод! А с каким азартом он брался помогать ей на кухне! Как заразительно смеялся! Как мягко, мило она ворчала, когда что-то делал не так... И так 39 с лишним лет.

*Л. Углицких
Искра. — 1995. — 9 мая. — С. 9.*